

ГЛАВА 1 ПРИГЛАШЕНИЕ НА ЧАЙ

Последний солнечный луч погас, оставляя на небе бледную полосу цвета киновари. На Камакуру опустились сумерки. По каменной лестнице, ведущей через длинный коридор из красных ритуальных ворот — торий, поднималась одинокая фигура: невысокая девушка с небрежно убранными в низкий хвост волосами и раскрасневшимися от непривычной нагрузки щеками. Она приподняла ворот пальто, прикрывая шею от холодного ветра, и поправила на плече ремешок потрёпанного кожаного тубуса, который сегодня взяла с собой по привычке. Выдохнув, смиренно признавая, что путь ещё далеко не окончен, она продолжила подъём в гору.

Между красными воротами, стоявшими друг за другом, располагались редкие каменные фонари, свет которых с трудом рассеивал подступающую мглу. Вокруг шумел горный лес: под напором ветра скрипели ветви старых деревьев, а в траве тихо стрекотали насекомые. В конце пути виднелись жёлтые мерцающие огни, обозначающие место обитания божества.

Добравшись до входа в святилище Яматомори, девушка чуть не уронила коробочку с подношением, которую всё это время держала в руках: кто-то задел её за плечо и, даже не обернувшись, прошёл вниз по ступеням, исчезая в ночной дымке. Разглядеть лицо не удалось, ведь незнакомец пронёсся так быстро и бесшумно, словно не ступал по земле, а парил над ней, как призрак. И всё же он успел бросить тихое: «Прошу прощения».

В воздухе остался еле уловимый аромат благовонных палочек с глицинией, которые часто возжигали в святи-

лице, и, вместо того чтобы недовольно окликнуть незнакомца, девушка прикрыла глаза, вдохнув сладкий запах. По всему телу пробежали покалывающие искорки, пробуждая тёплое чувство в груди: она успела забыть, что прежде ей сильно нравилось, как пахнет глициния.

Когда следы благовоний растворились в воздухе, смешиваясь с привычным ароматом сухого осеннего леса, она выдохнула, поправила пальто и положила обёрнутое в шёлковую ткань подношение — инари-дзуси¹ — на постамент, где сидели две каменные лисицы с алыми платочками, повязанными вокруг шеи.

— Вы, наверное, меня уже не помните, но это я, Цубаки Эри, — сказала она, коротко поклонившись кицунэ² — слугам богини. — Замолвите за меня словечко?

В святилище царила тишина, прерываемая лишь шелестом сухих листьев, которые неспешно сметал один из служителей. В это время прихожане обычно расходились по домам и никто уже не поднимался на гору помолиться Инари³, но всё же лавки с белыми сувенирными лисами и амулетами омамори⁴ ещё стояли открытыми.

Эри омыла руки в источнике и прошла к залу для молящихся. Прохладный ветер обжигал мокрую кожу, и девушка поскорее опустила монетки в полупустой ящик

¹ ИНАРИ-ДЗУСИ — разновидность суси; рисовый колобок, завернутый в обжаренный во фритюре «мешочек» из тофу.

² КИЦУНЭ — японское название лисиц, которые обладают сверхъестественными способностями.

³ ИНАРИ — божество синтоистской мифологии, покровительница лис. Отвечает за изобилие, урожай риса, промышленность, житейский успех и т. д.

⁴ ОММОРИ — японский тканевый амулет в виде мешочка с молитвой внутри, посвящённой синтоистскому или буддийскому божеству. По поверьям, защищает или приносит удачу в разных жизненных сферах.

для пожертвований. Упав на дно, они звякнули, нарушая покой этого места, и Эри два раза хлопнула в ладоши, чтобы привлечь внимание богини.

Бумажные фонари, висевшие около святилища, загорелись, отгоняя сумерки в сторону леса, а где-то внизу, среди деревьев, виднелись жёлтые огни города, напоминавшие поток мерцающих звёзд. Там жизнь шла слишком быстро, утекала сквозь пальцы, а здесь же время словно застыло, и в каждом дуновении ветра, в каждом опадающем листе ощущалась связь с прошлым.

Сложив руки перед собой, Эри закрыла глаза и беззвучно проговорила заранее заготовленную молитву. Раньше подобное давалось ей легко и слова сами шли на ум, но после четырёх лет жизни в большом городе стало немного неловко просить о чём-то у богини Инари, ведь в последнее время Эри редко заглядывала в святилища.

Сзади зашуршала сухая листва, и старик с метёлкой в руках как ни в чём не бывало задел девушку своим оружием, загребая листья у неё из-под ног.

— Извините, вы разве не видите, что я здесь стою? — спросила Эри и не стала отходить в сторону, даже когда метёлка ещё пару раз задела ботинки.

— Иди домой, девочка, мы закрываемся! — буркнул слугитель, поднимая на неё довольно злобный взгляд узких глаз, утопающих в глубоких морщинах.

— Но до закрытия ещё целый час.

— А зачем ты вообще сюда пришла? Неужели думаешь, что великая богиня Инари ответит на молитву такой нахалки, как ты? — Старик указал на неё крючковатым пальцем, и Эри раскрыла рот, недовольно выдохнув.

— А что со мной не так? Я принесла подношение, бросила монетки, помолилась. Почему бы богине не услышать молитвы такой, как я?

— Потому, что ты не веришь, — ответил он уже не так грубо и отогнал Эри метёлкой ближе к лавке с амуле-

тами. — Все вы, молодые, вечно приходите, просите, чтобы Инари помогла вам сдать экзамены, чтобы благословила бизнес или обогатила семью, но никто не верит в богов по-настоящему. Думается мне, что вы представляете kami¹ как игровой автомат: кинь монетку — и авось что-нибудь да выпадет...

Эри качнула головой и снова поправила на плече ремешок тубуса.

— Извините, но я думаю, вы не правы. Как служителю святилища, вам не стоит говорить подобное людям, иначе они просто перестанут приходить сюда.

— Да, чего ещё ждать от городской девчонки... Никакого уважения к старшим, что уж говорить об уважении к богам.

Кажется, этот город нисколько не изменился за прошедшие годы, впрочем, как и живущие в нём. Эри хотелось ответить, но в священном месте не полагалось выяснять отношения, поэтому она молча поклонилась и уже собралась уходить, но вдруг остановилась: со стороны каменных ступеней послышался звук шагов и знакомая мелодия детской песни.

— *Маленькая осень, маленькая осень! Я нашёл маленькую осень...*² — распевал посетитель совсем юношеским голосом, перепрыгивая через последние ступеньки и раскручивая на пальце пакет из круглосуточного магазина.

Он увидел, как близко старичок с метёлкой подошёл к Эри, и кинулся к ним с криками:

— Старик Кимура! Ты опять пристаёшь к прихожанам?! Ни на минуту нельзя оставить святилище без при-

¹ КАМИ — божества в японской религии синто. Это могут быть небесные и земные боги, а также духи, животные и природные объекты (камни, деревья, поля и т. д.), внушающие трепет.

² Японская детская песня «Я нашла маленькую осень» (Chiisai Aki Mitsuketa).

смотря! Извините, пожалуйста, надеюсь, он не сказал вам ничего обидного!

Человек вышел на свет, оттаскивая служителя назад, и тут же склонил голову в поклоне; он оказался совсем молодым парнишкой, лет шестнадцати на вид, с огромными тёмными кругами под глазами, словно не спал неделю, и добродушной улыбкой. На его угловатых плечах висело коричневое традиционное кимоно, свободно завязанное узким поясом, а на ногах были деревянные сандалии — гэта¹.

— Ничего страшного, — сказала Эри, ловя на себе всё такой же презрительный взгляд старика Кимуры, который теперь стоял за спиной юноши. — Поднимитесь уже из поклона, правда, ничего страшного не произошло.

— Ну, хорошо, что всё обошлось! Меня зовут Кэтору², я тут, можно сказать, местный талисман.

Он снова слегка кивнул и расплылся в широкой улыбке. Эри хихикнула, услышав такое странное имя: ей даже в голову не могло прийти, по какой причине родители захотели назвать ребёнка «чайником».

— Цубаки Эри, очень приятно. — Она тоже поклонилась, пытаясь скрыть ползущие вверх уголки губ. — У вас интересное имя.

Но Кэтору, казалось, перестал слушать и вплотную подошёл к Эри, бесцеремонно разглядывая неожиданную гостью святилища. На её лице отражались следы бессонных ночей и усталости: под глазами залегли тени, а на бледной коже ярко выделялся румянец, ещё не сошедший после подъёма в гору. И всё же чуть вздёрнутый нос и тёмные глаза с приподнятыми вверх уголками придавали образу Эри необычайное очарование.

¹ ГЭПА — японская традиционная обувь; деревянные сандалии, напоминающие по форме скамеечку.

² ケトル (ketoru) — чайник.

Вдоволь насмотревшись, Кэтору нырнул ей под локоть, при этом изогнув шею так, будто хотел обнюхать девушку, и обошёл вокруг, оглядывая её со всех сторон: безразмерный свитер под пальто и расклёшенная юбка ниже колен, а ещё пальцы рук, покрытые следами чёрной туши.

Когда он вернулся на прежнее место, то бросил встревоженный взгляд на старика и быстро закивал, а Кимура только пробубнил себе под нос: «Да не может такого быть».

Тогда юноша снова наклонил голову вбок и протянул руку к волосам Эри, пропуская между пальцами тёмные прядки, выбившиеся из короткого хвостика. Такого она, конечно, не могла стерпеть от незнакомца, поэтому резко хлопнула того по запястью и отступила назад:

— Это уже как-то слишком, вы не находите?!

— Ваши волосы, они стали гораздо короче, — ответил Кэтору и улыбнулся так, что его и без того узкие глаза превратились в маленькие щёлки. — Но ничего, господин Призрак всё равно умрёт от счастья, когда я ему расскажу, что вас встретил!

Он рассмеялся, оценив собственную шутку, но Эри показалось, что смех юноши больше напоминал кашель или лай собаки, а потому она отошла ещё на шаг, заглядывая ему за спину и обдумывая, как бы поскорее убраться отсюда.

— Господин Призрак? — переспросила она, изображая улыбку, хотя по шее пробежал холодок.

— Да не бойтесь, это шутовское имя, я иногда называю его так... А, подождите, не всё сразу. Давайте я вас сначала чаем напою!

И, не дожидаясь ответа, Кэтору потащил Эри за рукав пальто к ближайшему зданию в традиционном стиле. Парнишка открыл раздвижную дверь, снял деревянные

сандалии и кивнул в сторону небольшой комнаты, застеленной тростниковыми циновками — татами¹.

— Если честно, мне нужно идти, я не могу остаться на чай!

Не то чтобы Эри боялась незнакомцев или чувствовала какую-то опасность в этом месте, но всё же сердце забилось в два раза быстрее, гулко ударяясь о грудную клетку, а кровь прилила к лицу.

— Вы ведёте себя странно, госпожа Цубаки, я сделал что-то не так? Я всего лишь хотел угостить вас вкусным зелёным чаем и сладостями, свежими, только что купленными! — Он приподнял пакет, который держал в руках, и невинно посмотрел на Эри.

Ей показалось забавным, что Кэтору сейчас походил на расстроенного щеночка, и будь он действительно псом, то точно бы заскулил и опустил ушки. Она оглянулась на старика Кимуру, который продолжил подметать двор, будто ничего не произошло, а потом шагнула в комнату.

Внутри стоял приятный травянистый запах бамбука и свежезаваренного чая. От чугунного котелка, висевшего над потрескивающим от жара напольным очагом, поднимался белёсый пар, а вокруг лежали мягкие дзабутоны².

Эри прошептала: «Извините за вторжение» — и присела на колени у самого входа: ей казалось, что так она в любой момент сможет сбежать.

Кэтору бросил пакет на низкий стол у очага, затем попросил гостью пересесть поближе и немного подождать,

¹ ТАТАМИ — маты, которыми застилают полы традиционных японских домов. Сплетены из тростника игуса, набиваются рисовой соломой.

² ДЗАБУТОН — традиционная японская подушка для сидения, обычно плоская и квадратная.

а сам раздвинул бумажную дверь и скрылся во внутренней части здания, построенного для трапез слуг и служителей святилища.

Когда всё стихло, Эри сделала глубокий вдох, прикрыла глаза и прислушалась к тихому шипению воды в котле. После городского шума и бесконечной спешки на учёбе было приятно просто посидеть в тишине и расслабиться: пока не осознаешь, сколько лет ты уже не слышал настоящей тишины, не поймёшь, как её не хватало. Мысли в голове успокоились, и Эри подумала, что, пожалуй, именно за этим она вернулась в Камакуру — обрести покой и найти вдохновение для своих картин.

В комнату вновь вошёл Кэтору, держа в руках зелёную упаковку с чаем и две чашки. Он неуклюже плюхнулся рядом с Эри и с сосредоточенным лицом расставил предметы на столе так, чтобы всё выглядело аккуратно.

— Я думала, вы хотите устроить целую чайную церемонию, — сказала гостя, наблюдая, как Кэтору на глаз насыпал зелёные сухие листочки в глиняный чайник и залил их водой из чугунного котелка.

От заварки исходил приятный сладковатый аромат, растекающийся по комнате дурманом, и в голове Эри промелькнуло, что раньше она никогда не пробовала чая с таким навязчивым запахом, но эти мысли исчезли, как только новый знакомый с ней заговорил:

— Так вы вообще-вообще ничего не помните?

— А что я должна помнить?

Эри слышала, как Кэтору разливал чай, но никак не могла сконцентрировать взгляд — всё перед глазами расплывалось и казалось волшебным, манящим, как прекрасный сон, после которого просыпаешься с восторгом и жалеешь, что провёл в нём слишком мало времени.

— Да так, ничего-о, — протянул Кэтору и отдал Эри чашку. — А хорошо заваривать чай я не умею, поэтому приходится импровизировать. У нас только господин При-

зрак знает правила чайной церемонии, но сейчас у него появились важные дела, поэтому вы его не застали.

— А кто этот человек? Вы постоянно его упоминаете. Он главный каннуси?¹

— Он здесь вроде бы божество, — ответил Кэтору и тут же прыснул со смеху, увидев, как вытянулось от недоумения лицо Эри. — Шучу, шучу. Да, он главный в этом святилище. А вообще, что мы всё про него, лучше расскажите, госпожа Цубаки: почему вы пришли сегодня в святилище Яматомори?

— Я... — Она сделала глоток и зажмурилась от удовольствия — чай и правда оказался выше всяких похвал. — Я приехала из Токио, чтобы найти вдохновение для картин, которые собираюсь написать для своей первой выставки. Понимаете, в городе никак не могла поймать нужный настрой, и мне даже показалось, что я больше не смогу создать ничего стоящего... А если не получится поразить преподавателей и директоров галереи своей выпускной работой, то у меня не будет денег, чтобы помочь маме с долгами. Я пришла в Яматомори с мыслями: вдруг повезёт и богиня услышит мою молитву, а если не услышит, то здесь хотя бы спокойнее, чем дома. Можно подумать и попробовать сделать наброски картин.

Она и сама не знала, почему всё это рассказывала: язык развязался, как от алкоголя, а незнакомец Кэтору вдруг показался лучшим надёжным собеседником.

— Хм, значит, вы художница. Совсем как тогда. Ещё чайку?

И Эри выпила полную чашку, с удивлением оглядывая рождающееся перед глазами наваждение: в воз-

¹ КАННУСИ — досл.: «хозяин ками», главный священник в святилище, отвечающий за поклонение ками, проведение ритуальных церемоний и содержание храма.

духе висел шлейф серого цвета, напоминающий пар, что поднимался от котла, только этот вёл прочь из комнаты, будто следовал за кем-то по пятам, а на полу виднелись мерцающие следы лап небольшого животного, имеющие тёмно-зелёный оттенок. Эри выронила чашку из рук — та ударилась о татами и куда-то покатилась. Веки сомкнулись, и темнота заполнила сознание, обволакивая теплом и сладким травянистым запахом чая.

Она слышала голоса, обрывки фраз, но почему-то не могла понять их значение, будто собеседники разговаривали на незнакомом языке, хотя Эри точно знала, что это не так. Тьма утягивала её обратно в пьянящую негу, но приятный мужской голос не давал окончательно провалиться в сон: это был один из тех голосов, которые хотелось слушать часами, словно любимый момент в песне, который включаешь вновь и вновь.

Эри приоткрыла веки, борясь с сонным наваждением: она лежала на боку, подтянув колени к груди и подложив руку под голову. Кто-то коснулся прохладной ладонью её запястья, и художница разглядела изящные длинные пальцы с чёрными острыми ногтями, напоминающими когти. Эри попробовала поднять взгляд выше, но тут же провалилась обратно в своё тёмное видение. Голоса едва слышно перешёптывались, и чем больше она вслушивалась, тем понятнее становились фразы:

— Выглядит точно так же, как и наша Цубаки!

— Я вижу. Неужели это и правда она... Обязательно было опаивать её до такого состояния?

— Но вы сами сказали: если увидим похожую девушку, нужно сразу привести её к вам. А эта собиралась сбежать от старика Кимуры, и я не знал, что ещё предпринять.

Обладатель приятного голоса выдохнул и крепче сжал запястье Эри, отчего по её телу пробежали покалывающие искорки.